

На правах рукописи

Якубович Илья Сергеевич

Статус лувийского языка в многонациональной Анатолии бронзового века: опыт социолингвистической реконструкции

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва — 2015

Работа выполнена в секторе лингвистической компаративистики отдела научных исследований Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Официальные оппоненты: **Баюн Лилия Семеновна**, д. филол. н., ведущий научный сотрудник отдела сравнительного изучения цивилизаций Института всеобщей истории РАН

Добродомов Игорь Георгиевич, д. филол. н., профессор кафедры общего и прикладного языкознания Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета

Красухин Константин Геннадиевич, д. филол. н., заведующий сектором компаративистики Института языкознания РАН

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Защита состоится 17 февраля 2016 г. в 14 часов 40 минут на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а также на официальном сайте Филологического факультета МГУ, адрес сайта <http://www.philol.msu.ru>.

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

А.М Белов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предлагаемая к защите диссертация посвящена интерпретации языковой ситуации в древней Анатолии во втором тысячелетии до н. э. социолингвистическими методами. Особое внимание уделяется роли лувийского языка и лувийских языковых сообществ в истории данного региона. Диссертация состоит из пяти глав. Первая глава посвящена лувийской диалектологии, вторая разбирает лингвистические и исторические свидетельства присутствия лувийцев в западной части Анатолии, третья доказывает географическую смежность хеттского и лувийского ареалов в доисторический период, четвертая обращается к вопросам контактов между хеттским и лувийским языками в период до 1350 г. до н. э., пятая обсуждает статус лувийского языка в империи Хаттусы (~1350 – 1180 до н. э.). Диссертация открывает новое научное направление – палеосоциолингвистику.

0.1. Защищаемые положения.

Предложена и детально обоснована лингвистическая классификация лувийских диалектов, засвидетельствованных в письменных памятниках. Показана несостоятельность традиционных классификационных терминов «клинописный лувийский» и «иероглифический лувийский», основанных на неправомерном смешении языка и систем письма. Описаны особенности трех основных диалектов: лувийского диалекта Кищуватны, «имперского лувийского» и позднелувийского. Установлено, что позднелувийский является диалектным потомком «имперского лувийского», а не диалекта Кищуватны, и предложена социолингвистическая интерпретация данной диалектной конфигурации.

Вопреки популярной точке зрения о широком распространении лувийского языка в западной части Малой Азии, представлено аргументированное обоснование ограниченной роли лувийских языковых сообществ в истории эгейского региона. Согласно предложенной интерпретации, присутствие лувийцев на эгейском побережье в первую очередь является следствием вхождения части западной Анатолии в состав империи Хаттусы. Многие западноанатолийские имена собственные, традиционно выводившиеся из лувийского языка, предположительно связаны с ближайшими родственниками лувийцев – карийцами и ликийцами, или с лувическим диалектом Арцавы. Обоснована локализация греко-лувийских языковых контактов на южном побережье Анатолии в контексте греческой колонизации Киликии и сопредельных прибрежных зон.

Представлено формальное доказательство грамматического заимствования из лувийского языка в хеттский, относящегося к третьему тысячелетию до н. э. Данный факт показывает, что хетты и лувийцы были близкими соседями в указанный период, и представляет аргумент против гипотезы о лувийской прародине в западной Анатолии.

Определен корпус лувийских имен в древнейших письменных памятниках на территории Анатолии – староассирийских текстах из Канеша (Несы). Проанализированы и проинтерпретированы суперстратная лувийская лексика и метафорическое переключение кодов в древнехеттских текстах. Предложена локализация лувийской прародины на территории центральноанатолийского плоскогорья, в регионе, пересекающемся с «Нижней страной» хеттских источников. Произведен комплексный анализ языковой ситуации в царстве Хаттусы начала XIV века до н. э., а также в княжестве Киццуватна. Выдвинута новая гипотеза относительно

происхождения анатолийских иероглифов и обоснована их изначальная связь с двуязычной хетто-лувийской средой.

Детально описано контактное влияние лувийского языка на новохеттский на фонетическом, морфосинтаксическом и лексическом уровнях. Предложен сценарий происхождения «глоссового клина» и проинтерпретировано его употребление в текстах из Хаттусы. Доказана бóльшая толерантность по отношению к смешению кодов в среде авторов хеттских сочинений по сравнению с писцами дворцовой канцелярии. Подтвержден факт сохранения естественной передачи хеттского языка в империи Хаттусы, и вместе с тем приведены аргументы в пользу устойчивого двуязычия столичной аристократии в XIII веке до н. э. Наконец, реконструированная лингвистическая ситуация рассмотрена с точки зрения общей типологии языковых контактов.

0.2. Материал исследования. Анатолийские языки составляют группу индоевропейской языковой семьи, которая отделилась раньше других от индоевропейского праязыка. В связи с этим, ряд исследователей употребляют термин «индо-хеттский праязык» для общего предка анатолийского и позднеиндоевропейского праязыков. Единственным анатолийским языком, известным из памятников как второго, так и первого тысячелетия до н. э., а также в двух системах письма – клинописной и иероглифической, является лувийский. Хеттский и палайский языки зафиксированы в клинописных текстах второго тысячелетия до н. э., а ликийский, лидийский, карийский, сидетский и писидийский языки – в алфавитной передаче первого тысячелетия до н. э. Все эти языки были распространены на территории древней Малой Азии.

Ряд языков, употреблявшихся на той же территории во втором тысячелетии до н. э., не принадлежат к анатолийской группе. В дополнение к хеттским, лувийским и палайским текстам, в архивах Хаттусы были найдены клинописные тексты на двух неиндоевропейских языках Анатолии – хаттском и хурритском, а также на двух языках месопотамской письменной культуры – шумерском и аккадском. Сосуществование на письме языков разных семей характерно и для Малой Азии первого тысячелетия до н. э., однако данный период лишь частично освещается в настоящей диссертации (в основном в контексте контактов между лувийцами и греками).

Настоящее диссертационное исследование концентрируется на интерпретации данных, связанных с лувийским языком. Наиболее адекватным и доступным грамматическим очерком лувийского языка является на сегодняшний день [Melchert 2003]. Подавляющее большинство известных лувийских текстов в клинописной передаче изданы в транслитерации, но без перевода, в работе [Starke 1985]. [Melchert 1993] представляет собой словарь к данному корпусу текстов. Большинство длинных лувийских иероглифических надписей, относящихся к империи Хаттусы, издано в работе [Hawkins 1995], а [Hawkins 2000] являлся полным (на момент издания) корпусом лувийских иероглифических надписей, созданных после падения империи Хаттусы. К сожалению, не существует современного словаря лувийских текстов в иероглифической передаче. Данный пробел отчасти компенсируется электронным глоссарием, доступным на веб-странице Аннотированного корпуса лувийских текстов (ACLT) по адресу [http://web-corpora.net/LuwianCorpus /search/](http://web-corpora.net/LuwianCorpus/search/).

0.3. Предмет исследования. Основной предмет данного исследования - это социолингвистическая интерпретация контактно обусловленных изменений в лувийском языке и его диалектах, а также в языках, подвергшихся его влиянию. Данная процедура является обратной по отношению к предмету большинства работ, посвященных языковым контактам в современном мире. Социолингвист, изучающий «живые» языки, как правило, заранее владеет информацией относительно экологии соответствующих языковых сообществ и изучает влияние экстралингвистических параметров на языковое варьирование. В случае палеосоциолингвистического исследования, часто приходится работать с корпусом текстов, испытавших контактное влияние, не имея прямого доступа к исторической информации о природе соответствующих контактов. Использование типологических данных позволяет, однако, описать механизмы языковых контактов исходя из их результатов, а затем реконструировать контактные стимулы, которые могли каузировать описанные механизмы.

В то же время, особенностью материала, интерпретируемого в настоящей диссертации, является наличие определенной исторической информации, которую можно сопоставить с результатами лингвистического анализа. Речь идет в первую очередь об упоминании лувийцев и лувийского языка в хеттских текстах, а также об упоминании других народов, контактировавших с лувийцами, в исторических источниках. Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении лингвистические данные не ограничиваются набором контактно обусловленных изменений в лувийском и других языках. Дополнительную социолингвистическую информацию можно почерпнуть, например, из этимологического анализа локализуемых имен собственных (разделы 2.3, 4.2) или из изучения ак-

рофонической деривации анатолийских иероглифических силлабограмм (раздел 4.9). Поэтому дополнительным предметом настоящего исследования является гармонизация гипотез, полученных из различных источников.

0.4. Цели и задачи исследования. Целью исследования является обоснование возможности комплексной реконструкции языковой ситуации в отдельном регионе на основании анализа контактных феноменов в языках с ограниченным корпусом текстов. Иными словами, речь идет о доказательстве полезности палеосоциолингвистики как новой вспомогательной исторической дисциплины.

Основной задачей исследования является уточнение ареала распространения и основных функций лувийского языка в бронзовом и раннем железном веке. Дополнительной задачей исследования являлось уточнение ареала распространения и функций языков, контактировавших с лувийским в указанный период.

0.5. Актуальность работы. Хотя языки Анатолии второго тысячелетия до н. э. не являются широко известными древними языками, они представляют собой идеальный полигон для апробации социолингвистических методов изучения языков с ограниченным корпусом текстов. Как уже упоминалось, архивы Хаттусы содержат тексты на семи языках, и эти тексты позволяют идентифицировать различные типы межъязыкового взаимодействия, такие как лексическое заимствование, структурная интерференция, переключение и смешение кодов. Кроме того, имеется определенная информация исторического характера относительно функций различных языков в многонациональной империи Хаттусы.

Выбор лувийского языка в качестве основного объекта исследования определяется значительным прогрессом в описании этого языка в течение последних нескольких лет. Несмотря на то, что первые лувийские тексты были введены в научный обиход в двадцатые годы прошлого века, изучение проблем, связанных с лувийцами, оставалось на всем его протяжении на периферии хеттологии. Ситуация резко изменилась в новом тысячелетии, после публикации монументального корпуса лувийских иероглифических надписей [Hawkins 2000]. Работы, посвященные лувийскому языку и лувийским текстам, теперь занимают почти такое же место в аналитике, как и собственно хеттологические исследования. В частности, следует отметить появление первого учебника лувийского языка (Payne 2010) и энциклопедической монографии, посвященной лувийцам [Melchert C. [ed.], *The Luwians*, Leiden: Brill, 2003]. Тем не менее, вопросы, связанные с локализацией лувийских языковых сообществ и определением функций лувийского языка до сих пор остаются дискуссионными.

0.6. Новизна работы. В первую очередь, следует указать на методологически инновационный характер представленной диссертации. Хотя ученые и раньше обращались к теме социолингвистики древних языков (см., например, [Wright 1982] или [Janse, Adams, and Swain 2003]) настоящая работа является, по моему мнению, первым опытом в области палеосоциолингвистики как самостоятельной научной дисциплины. Впервые применение методологии обратного социолингвистического анализа приводит к нетривиальным историческим выводам, что делает его интересным для широкого круга специалистов, чьи интересы лежат за пределами лингвистики.

Новизна исторических выводов диссертации выявляется в сравнении с авторитетной работой [Bryce 2003], чьи выводы опираются в основном на критику письменных источников и претендуют на статус последнего слова в истории лувийцев. Брайс предложил сценарий экспансии лувийского языкового сообщества на юго-восток. Он предположил, что в XVII веке до н. э. “Luwian-speaking groups occupied extensive areas in the western half of Anatolia” (стр. 28). К середине второго тысячелетия до н. э. “Luwian-speaking groups had spread southwards and eastwards, occupying much of Southern Anatolia, from the region of (Classical) Lycia in the west through (Classical) Pamphylia, Pisidia, Isauria and Lycaonia to Cilicia in the East” (стр. 31). Брайс осторожно заключает, что такие миграции могли являться продолжением общеанатолийского движения на юго-восток, с Балкан в Малую Азию (стр. 40). Данный сценарий существенно отличается от реконструкции настоящей диссертации, согласно которой локальная лувийская прародина располагалась в центральной части Малой Азии, а присутствие лувийцев на эгейском побережье было достаточно ограниченным.

Брайс эксплицитно признает недостатки своего метода, поясняя, что “we cannot with any degree of confidence draw a clear distinction between Luwian and non-Luwian areas anywhere in Anatolia” (стр. 34). Подобная констатация является, с моей точки зрения, справедливой по отношению к работе [Bryce 2003], но чрезмерно пессимистичной как общая оценка проблемы. В действительности, мы можем с переменной степенью уверенности говорить о статусе лувийского языка в различные эпохи и в разных регионах Анатолии, но для достижения объективных суждений по данному вопросу следует привлечь ресурсы социолингвистики. Это и осуществляется в представленной на защиту диссертации.

0.7. Методология исследования. В представленной на защиту диссертации задействованы все основные исследовательские методы, применяемые в социолингвистике, исторической и контактной лингвистике. Применение статистических методов позволяет установить корреляцию между лингвистическими и экстралингвистическими переменными (например, при анализе употребления «глоссового клина» в текстах различных жанров, раздел 5.4.3). Сравнительно-исторический метод играет ключевую роль при установлении различия между контактно обусловленными процессами, с одной стороны, и генетическими изоглоссами, а также случайными совпадениями, с другой (например, в главе 3). Типологический метод особенно важен для обратного социолингвистического анализа, поскольку он позволяет установить соотношение между механизмом и мотивацией языковых контактов, с одной стороны, и их формальным выражением, с другой стороны (см. ЗАКЛЮЧЕНИЕ).

Поскольку настоящее исследование имеет дело с языковым материалом, зафиксированным исключительно в письменной форме, для его успешного завершения часто требовалось применение филологического метода. Этот метод оказался особенно важным для дифференциации явлений языковой интерференции, отражающих компетенцию авторов текстов, и вторичных контактных явлений, привнесенных в источники их переписчиками (например, в разделах 1.3, 5.4.2). Комбинаторный метод дает важные результаты при этимологическом анализе корпусов имен собственных (2.3, 4.2), а источниковедческая критика остается важным методологическим приемом при гармонизации историче-

ских и лингвистических данных (например, при обсуждении «троянской проблемы» в разделах 2.6-7).

0.8. Теоретическая значимость диссертации для социолингвистов и исторических лингвистов, чьи основные научные интересы лежат за пределами анатолийского языкознания, состоит в апробации методологии обратной социолингвистической реконструкции. Предложенная методология может быть в дальнейшем применена к анализу сосуществования языков в других древних обществах. Например, с её помощью можно попытаться ответить на вопрос о статусе праармянского языка в государстве Урарту, о распределении функций между различными языками и диалектами на Шелковом Пути, и уточнить динамику расширения сферы употребления санскрита в средневековой Индии. Отвлекаясь от конкретных примеров, следует указать также на то, что введение проблем, связанных с вымершими языками, в научный обиход социолингвистики может оказать существенное влияние на повышение роли изучения этих языков в современном языкознании в целом.

0.9. Практическая значимость настоящей диссертации с точки зрения хеттологов и специалистов по древней Анатолии представляется достаточно очевидной. Предложенная модель социолингвистической реконструкции позволяет восстановить этническую историю региона в тот период, когда она не может быть реконструирована традиционными историческими методами. Побочным результатом исследования явилось уточнение чтения ряда анатолийских иероглифов, новые этимологии топонимов и личных имен, а также реконструкция эволюции клитических местоимений во всех основных анатолийских языках. Выводы данной

диссертации могут быть использованы как в курсах по истории Малой Азии, так и в преподавании отдельных древних языков данного региона.

0.10. Апробация положений работы. Предварительные результаты диссертационного исследования были представлены на следующих научных форумах: коллоквиум «Хетты, греки и их соседи по древней Анатолии» (Атланта, сентябрь 2004 г.), 17-ая ежегодная калифорнийская конференция по индоевропеистике (Лос-Анджелес, ноябрь 2005 г.), ежегодная конференция Американского Лингвистического Общества (Анахайм, январь 2007 года), 217-ая ежегодная сессия Американского Общества Востоковедов (Сан-Антонио, март 2007 г.), коллоквиум «Чередование, конкуренция и эволюция падежных систем» (Париж, апрель 2007 г.), 53-ий международный конгресс ассириологов (Москва, июль 2007 г.), Рабочая встреча “Indogermanische Gesellschaft” (Марбург, сентябрь 2007 г.), 19-ая ежегодная калифорнийская конференция по индоевропеистике (Лос-Анджелес, ноябрь 2007 г.), 218-ая ежегодная сессия Американского Общества Востоковедов (Чикаго, март 2007 г.), 7-ой международный конгресс хеттологов (Чорум, июль 2008 г.), Чтения, посвященные памяти Иосифа Моисеевича Тронского (Санкт-Петербург, июнь 2009 г.). Кроме того, по теме диссертации были прочитаны приглашенные доклады в Школе Востоковедения и Африканистики (SOAS) Лондонского Университета (декабрь 2005 г.), École Pratique des Hautes Études (Париж, июнь 2006 г.), Мичиганском Университете (Энн Арбор, октябрь 2006 г.), греко-латинском факультете Лондонского Университета (март 2007 г.), Калифорнийском Университете (Беркли и Лос Анджелес, январь 2009 г.). Основные результаты диссертации отражены в англоязычной монографии *Sociolinguistics of the Luvian Language* [Leiden:

Brill, 2010], хотя по сравнению с последней текст диссертации существенно изменен и дополнен с учетом реакции научного сообщества и прогресса, достигнутого в области лувийских исследований за последние 5 лет.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, пяти глав и заключения

Введение содержит изложение авторской позиции по ряду актуальных проблем анатолистики, которые тесным образом связаны с основной темой диссертации. Во-первых, анализ структуры филиации анатолийской языковой общности и лексикостатистический анализ используются для доказательства значительной степени расхождения между хеттским и лувийским языками. Маловероятно, что эти два языка разделились позднее 3000 до н. э., что делает бессмысленным разговоры о преемственности между доисторическими общеанатолийскими миграциями и историческими миграциями лувийцев.

Во-вторых, обсуждается термин «лувийские языки», используемый рядом авторов для характеристики лувийского и его ближайших родственников – ликийского А, ликийского Б (милийского) и карийского языков. Данный термин является не только двусмысленным, но и дескриптивно неадекватным. С одной стороны, ликийский язык А обнаруживает ряд архаизмов, делающих невозможным его анализ как прямого потомка лувийского языка. С другой стороны, нет никаких оснований полагать, что термин *luwili*, употреблявшийся хеттами по отношению к лувийскому языку, когда-либо применялся по отношению к языку предков ликийцев. Поэтому представляется разумным принять терминологию

ческое разделение, предложенное Крэгом Мельчертом: *Luvian* для лувийского языка в узком смысле, а *Luvic* для подгруппы, включающей лувийский и ликийский. Для русскоязычной традиции, можно предложить во втором случае термин «лувические языки».

В-третьих, затрагивается вопрос о догреческом субстрате на Балканах, который некоторые классицисты определяли как лувийский. Не предвещая вопроса о генетической принадлежности данного субстрата, можно тем не менее отвергнуть гипотезу о лувийском происхождении греческих суффиксов $-(i)\nu\theta\omicron-$ и $-(\alpha)\sigma\sigma\omicron-$, встречающихся в топонимах и другой субстратной лексике. Историко-фонетический анализ заставляет скорее предположить, что как греческие суффиксы, так и напоминающие их морфемы *-anda* и *-assa*, выделяемые в лувийских топонимах, являются заимствованием из третьего источника. Таким образом, данные топонимии не противоречат наиболее экономной гипотезе, согласно которой распад анатолийской языковой общности произошел уже внутри Малой Азии.

Первая глава посвящена вопросам лувийской диалектной географии. Сравнительный анализ лувийских диалектов с целью установления их индивидуальных архаизмов и инноваций может иметь различные приложения. С одной стороны, число и характер установленных инноваций может дать представление о временном промежутке между распадом общелувийского состояния и периодом создания текстов на отдельных диалектах. С другой стороны, выявленные диалектные конфигурации могут оказаться ключом к реконструкции лувийских миграций по Анатолийскому полуострову. В качестве иллюстрации этого положения на материале географически смежного региона можно указать на сход-

ство древнегреческих диалектов Аркадии и Кипра. Общие инновации диалектов труднодоступной центральной части Пелопоннеса и острова в восточном средиземноморье, отсутствуют в занимающих географически промежуточное положение дорийских диалектах. Это позволяет рассматривать аркадский и кипрский как потомки древнего диалектного континуума, даже не опираясь на данные «микенских» текстов, и считать дорийцев более поздними поселенцами на юге балканского полуострова.

Изучение диалектного варьирования внутри лувийского долгое время затруднялось несовершенным чтением и пониманием текстов. Первые попытки дешифровки анатолийских иероглифов были предприняты до установления классификации анатолийских языков, и термин «иероглифический хеттский», появившийся в этот период, отражал лишь догадку историков. Тем не менее, это обозначение продолжало употребляться также и в более поздний период, когда были прояснены различия между хеттским и лувийским и установлено сходство между «клинописным лувийским» и языком анатолийских иероглифов. Одной из причин пережиточного употребления этого проблематичного термина было ошибочное чтение ряда анатолийских иероглифов, создававшего преувеличенное представление о лексико-грамматических различиях между лувийскими клинописными и иероглифическими текстами. Характерно, что даже Эммануэль Ларош, приложивший большие усилия к доказательству близкого родства «клинописного лувийского» и языка анатолийских иероглифов [Laroche 1958, 1960, 1967], предпочел название *Les hiéroglyphes hittites* для своего каталога анатолийских иероглифических символов [Laroche 1969]. Также и Пьеро Мериджи, еще в 1934 году введший в научный обиход термин *hieroglyphisch-luvisch*, вернулся к

традиционному обозначению *hieroglyphisch-hethitisch* в своих последующих работах [ср. Meriggi 1962: 1, сн. 1].

Трудности с интерпретацией иероглифических надписей иногда негативно сказывались на изучении лувийских клинописных текстов. Так например, работа [Bossert 1944] содержит обсуждение относительной близости языка слов, сопровождаемых «глоссовым клином» (*Glossenkeil*) в хеттских текстах, к клинописному лувийскому и языку анатолийских иероглифов. Не будучи в состоянии ответить на этот вопрос, Боссерт постулировал из чисто методологических соображений особый *Glossenkeilsprache*. Разумеется, необходимость в подобной таксономической единице отпадает, если принять, что лувийские клинописные и иероглифические тексты написаны на одном и том же языке. Небольшое количество пересечений между словами с «глоссовым клином», лексическими единицами клинописных лувийских пассажей и иероглифическими надписями объясняется жанровыми особенностями соответствующих текстов, а вовсе не их диалектной принадлежностью. То же самое касается и «Песен из Истанувы», поэтических текстов светского содержания, контрастирующего с религиозной тематикой основной части лувийского клинописного корпуса.

Несмотря на то, что недоразумения, связанные с терминами «иероглифический хеттский» и *Glossenkeil Sprache* в целом успешно разрешены, они помогают объяснить причину, по которой серьезная дискуссия диалектных различий внутри лувийского началась лишь в недавнем прошлом. Первая попытка такого обсуждения предпринята в работе [Melchert 2003b: 171-5], где обсуждается ряд лувийских морфосинтаксических переменных существенных для диалектной классификации. Мелчерт справедливо отвергает точку зрения Штарке [Starke 1997a:

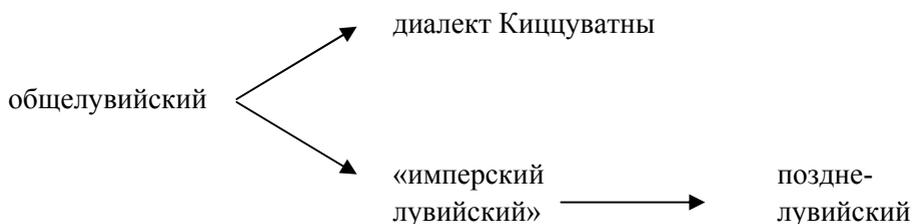
458a] и Каррубы [Carruba 1998], согласно которой различия между лувийскими диалектами пренебрежимо малы. Ему также принадлежит основополагающее наблюдение относительно изоглосс, объединяющих язык большинства словоформ, помеченных «глоссовым клином» с языком иероглифических надписей, в противовес «клинописному лувийскому». Развитию этого положения посвящена, по существу, большая часть первой главы диссертации.

В первой главе я воздерживаюсь от обсуждения данных топонимики и ономастики и ограничиваюсь анализом текстов и лексических материалов, известных из собственно анатолийских источников. После краткого введения (раздел 1.1) ареал распространения лувийского языка и распределение лувийского материала по географическим регионам обсуждается в разделе 1.2. Разделы 1.3-7 посвящены обсуждению лингвистических изоглосс, коррелирующих с исторической и филологической интерпретацией лувийских текстов. При этом я не стремился к полноте описания инноваций во всех известных лувийских диалектах, ограничившись лишь теми из них, которые являются релевантными для диалектной классификации (или считались таковыми). За одним исключением (раздел 1.3), я воздерживаюсь от обсуждения фонетических инноваций, которые, как правило, могут изучаться лишь на основании позднелувийских текстов, сосредоточившись вместо этого на морфосинтаксисе лувийских диалектов.

Выводы из главы 1 резюмируются в ее заключительном разделе 1.8. Результатом проделанного анализа является выделение трех достаточно хорошо засвидетельствованных лувийских диалектов: диалекта Киццуватны бронзового века, «имперского лувийского» (то есть лувийского диалекта Хаттусы и провинциальной бюрократии), и

позднелувийского диалекта железного века. Лингвистические факты хорошо согласуются с гипотезой о происхождении позднелувийского из «имперского лувийского». Напротив, лувийский диалект Киццуватны и «имперский лувийский» обладают независимыми друг от друга инновациями и должны возводиться к гипотетическому общелувийскому состоянию. Эти наблюдения передаются в приведенной ниже схеме:

Схема 1

Наиболее очевидными инновациями «имперского лувийского», перенесенными в позднелувийский, являются обобщение окончания *-nzi* именительного падежа единственного числа общего рода на винительный падеж единственного числа общего рода (1.3) и постепенная замена *āya-* ‘делать’ синонимичным глаголом *izzi(ya)-* (1.6). Вероятный архаизм «имперского лувийского», следы которого также наблюдаются в позднелувийском – это сохранения родительных окончаний *-assa* и *-assi* (1.4) и имперфективного суффикса *-zza-* (1.6).

В каждом из упомянутых выше случаев, реконструкция морфосинтаксических особенностей «имперского лувийского», непосредственно вытекает из анализа клинописных текстов из Хаттусы. Только в случае *izzi(ya)-* она дополнительно опирается на формы, засвидетельствованные в иероглифических надписях последних царей Хатту-

сы, тогда как в остальных случаях иероглифические параллели засвидетельствованы лишь для позднелувийского. Это определяет важность клинописных источников для понимания «имперского лувийского» и неудачность термина «иероглифический лувийский» в применении к диалектологической дискуссии.

Устранение начальной частицы *pa=* и частицы пространственной ориентации *=tar* относятся к негативным инновациям «имперского лувийского» (1.7). Оба процесса нельзя отделять от сходных инноваций в новохеттском, хотя в данном случае непросто различить причину и следствие.

Единственной нетривиальной инновацией диалекта Киццуватны является образование особых притяжательных прилагательных, маркирующих множественность посессоров. Я предлагаю считать эту конструкцию калькой с хурритского (1.5). Негативными инновациями диалекта Киццуватны являются устранение форм родительного падежа (1.4) и обобщение имперфективного показателя *-zza-* за счет синонимичного показателя *-ssa-* (1.6).

Ряд лувийских текстов в клинописной передаче не содержат характерных инноваций диалекта Киццуватны. Это, в частности, относится к лувийским пассажам в древнехеттских ритуалах и к «песням из Истануву». С формальной точки зрения, этот аргумент не является вполне доказательным, поскольку притяжательные прилагательные с недвусмысленно множественными обладателями отсутствуют в рассматриваемом корпусе. Если, однако, принимать хурритское влияние на формальную маркировку этой конструкции в диалекте Киццуватны, сходные маркеры не ожидаются в диалектах, не контактировавших с хурритским, в частности в диалектах Хаттусы и Истануву. Отсюда следует, что

клинописный корпус лувийских текстов, по-видимому, не содержит никаких общих инноваций, и таким образом «клинописный лувийский» также не является лингвистически обоснованным термином.

Возвращаясь к предложенной классификации лувийских диалектов, надлежит отметить ее географически нетривиальный характер. Значительная часть позднелувийских надписей происходит из регионов, являвшихся частью княжества Киццуватна в бронзовом веке. С лингвистической точки зрения они, однако, оказываются более близкими к «имперскому лувийскому», использовавшемуся в Хаттусе, а не к диалекту Киццуватны. Следует ли считать эту конфигурацию результатом массовых миграций лувийцев из района Хаттусы на юго-восток в период после падения империи Хаттусы? Хотя миграции могли играть определенную роль, подобная интерпретация не является единственно возможной. Поскольку позднелувийские надписи, как правило, являются продуктом бюрократии постхеттских княжеств или принадлежат представителям господствующих классов, более экономным объяснением их особенностей является диалектный сдвиг, мотивированный соображениями престижа.

Как показано в пятой главе, лувийский язык являлся родным для значительной части имперской администрации в Хаттусе в XIII веке до н. э. Когда высокопоставленные лувийцы из столицы назначались губернаторами, чиновниками или писцами в провинциальные центры, их местные подчиненные должны были воспринимать их как модели для подражания. Соответственно, их диалектные особенности, вероятно, воспринимались как языковая норма и перенимались верхушкой местного лувийского населения. Бегство двора из Хаттусы в начале XII века до н. э. должно было ускорить эту тенденцию, если предполагать, что сто-

личная администрация искала убежище в юго-восточных провинциях бывшей империи, из которых впоследствии выросли постхеттские княжества.

Таким образом, данные лувийской диалектологии позволяют реконструировать диахроническое «развитие сверху» (change from above). Наиболее хорошо описанным примером подобного развития является, пожалуй, восстановление глайда [ɣ] на конце слога в нью-йоркском говоре американского английского [Labov 1966]. Решающим фактором, повлиявшим на этот процесс, было ослабление престижа британского английского и диалекта Новой Англии и появление общеамериканского нормативного произношения. Сходным образом, вхождение Киццуватны в состав империи Хаттусы привело к возрастанию престижа «имперского лувийского» и постепенному проникновению его характерных признаков на юго-восток Анатолии.

Вторая глава представляет собой исследование, призванное ответить на вопрос о роли лувийцев в истории западной части анатолийского полуострова. Данный вопрос является весьма нетривиальным. Ни один из лувийских текстов не был обнаружен *in situ* на эгейском побережье Малой Азии и в прилегающих речных долинах. Напротив, большое количество алфавитных лидийских и карийских надписей происходят именно из этих областей. Поэтому сторонники западной лувийской прародины или массовых лувийских миграций на запад Анатолии могут опираться лишь на косвенные свидетельства, такие как несколько иероглифических памятников с неясной лингвистической атрибуцией, найденных в данном регионе, или лувоидные имена местных правителей. Тем не менее, гипотеза о присутствии больших масс лувийцев в за-

падной Анатолии является доминирующей в современном научном дискурсе, и ученые, как правило, расходятся лишь в ее социолингвистической интерпретации.

Существует несколько причин непропорционально большого внимания, уделяемого возможному присутствию лувийцев в эгейском регионе. С одной стороны, это предположение являлось и является основополагающим для всех исследователей, постулирующих лувийский субстрат в древнегреческом. Хотя сама субстратная гипотеза обладает сегодня сомнительной репутацией, ее базовые предпосылки прочно укоренились в коллективном бессознательном научного сообщества историков-античников. С другой стороны, ряд индоевропейцев предпочитают искать лувийскую прародину на западе Анатолии, поскольку это хорошо укладывается в их представления о вероятной траектории индоевропейских миграций в Малую Азию. Наконец, еще одна группа ученых, имеющих дело с балканско-анатолийскими культурными контактами во втором тысячелетии до н. э., но не желающих приписывать их влиянию отдаленных хеттов, не критично указывают на лувийцев, как на единственное другое анатолийское языковое сообщество, неплохо засвидетельствованное памятниками бронзового века. В результате, филологические аргументы в пользу лувийского присутствия на западе Малой Азии часто принимаются без должной экспертной оценки. Мне не известны научные работы, в которых эти аргументы обсуждались бы во всей их полноте.

Сегодняшний научный климат повлиял на характер аргументации во второй главе. В дополнение к обсуждению позитивных аргументов, позволяющих судить о статусе лувийского языка в западной части Анатолии, она содержит опровержение неубедительных доводов, ис-

пользуемых в целях преувеличения лувийского влияния в данном регионе. Соображения компактности и структурного единства изложения побудили меня ограничиться обзором работ ученых, обладающих серьезной подготовкой в анатолийском языкознании. Вместе с тем, поскольку содержание данной главы должно представлять особый интерес для специалистов-историков, я постарался уделять в ней больше внимания обзору первичных исторических источников.

Структура второй главы организована следующим образом. Вводный раздел 2.1 в основном посвящен методологическим вопросам. Раздел 2.2 содержит обзор политической истории княжества Арцава, являющегося основным кандидатом на лувийское государство в западной Анатолии в современном научном дискурсе. Личные имена из Арцавы анализируются в разделе 2.3, где обсуждаются несколько лингвистических аргументов в пользу альтернативной гипотезы, согласно которой родным языком аристократии Арцавы был местный лувический диалект со следами праилидийского языкового субстрата. Статус хеттского и лувийского как официальных языков западной Анатолии в период империи Хаттусы обсуждается в разделе 2.4. В разделе 2.5 разбираются убедительные филологические аргументы в пользу статуса лувийского (в узком смысле) как основного разговорного языка в княжестве Арцава, а раздел 2.6 решает ту же задачу в отношении княжества Вилуса (Троя бронзового века). В разделе 2.7 обсуждается проблема «трояных ликийцев» в гомеровском эпосе и предлагается попытка ее решения, не требующая идентификации «трояных ликийцев» с лувийцами клинописных источников. Социолингвистическая интерпретация контактов между греками и лувийцами составляет основную задачу раздела 2.8.

В заключительном разделе 2.9 предлагается резюмируемый ниже этнолингвистический сценарий. Он, разумеется, не претендует на абсолютную достоверность, и его отдельные аспекты несомненно будут претерпевать изменения по мере появления новых источников, но на сегодняшний день я считаю его наиболее экономным.

Первыми из известных нам анатолийцев, расселившихся на эгейском побережье, были лидийцы. В более поздний период, возможно в конце третьего или начале второго тысячелетия до н. э., носители лувийских диалектов начали проникать на юго-восток Анатолии вдоль средиземноморского побережья. Одна из этих групп консолидировала княжество Арцава и оказалась в нем господствующим этносом. При этом значительная часть, возможно даже большинство населения Арцавы продолжало говорить на лидийском языке.

Хеттский язык начал применяться независимыми правителями Арцавы для дипломатической переписки с другими государствами Ближнего Востока. Рейды Арцавы на территорию царства Хаттусы, в частности «Нижней страны», могли привести к похищению групп лувийцев, которые осели в западной Анатолии в качестве насильственно перемещенных лиц. Распространение и статус хеттского и лувийского языков на территории Арцавы должны были возрасти после включения этого княжества в многоязычную империю Хаттусы в конце XIV века до н. э. Хеттский язык используется в договорах между хеттами и вассальными западноанатолийскими княжествами, а также, вероятно, в местной ритуальной практике, ориентированной на экспорт. Иероглифические надписи из западной Анатолии, возможно выполненные писцами-лувийцами, также в первую очередь отражают политическое господство Хаттусы.

Падение Хаттусы в начале XII века до н. э. вызвало прерывание письменной традиции на западе Малой Азии. Разумно предположить, что оно также привело к резкому падению престижа языков, ассоциировавшихся с имперской властью, то есть хеттского и лувийского. С другой стороны, наступление «темных веков» сопровождалось миграцией новых этнических групп в данный регион. Это, прежде всего, касается фригийцев, пришедших с Балкан, а также возможно родственного фригийцам языкового сообщества, от которого произошло название классической Мизии. Кроме того, вероятно, что, ликийцы (народ Лукка), несомненно, принимавшие участие в рейдах «народов моря», также проникли в этот период в северо-восточную часть Малой Азии, что и нашло свое отражение в многочисленных упоминаниях ликийцев в гомеровском эпосе.

Греческая колонизация Анатолии, начавшаяся уже в бронзовом веке, продолжалась и после распада микенских государств. Имея в качестве базы колонии на Кипре и в районе классического Милета, греки постепенно распространяли свое присутствие на восток вдоль средиземноморского побережья Малой Азии. Греческие колонии в Памфилии просуществовали до эллинистического периода, но на территории Киликии греки оказались окружены и вероятно ассимилированы местным лувийским населением в первой половине первого тысячелетия до н. э. Юго-восточное Средиземноморье, то есть Киликия и северная Сирия, является единственным регионом, для которого с большой долей вероятности можно реконструировать интенсивные контакты между греками и лувийцами.

Предложенная этнолингвистическая интерпретация не оставляет места для спекуляций относительно лингвистически доминирующего

характера лувийского языка в эгейском регионе в исторический период. Вместо того, чтобы предполагать широкомасштабные миграции лувийцев на запад, можно объяснить все имеющиеся в нашем распоряжении факты, исходя из гипотезы о широком распространении и относительно высоком престиже лувийского языка в империи Хаттусы, подчинившей часть западной Анатолии. Иными словами, функции лувийского языка на западе Малой Азии во многом напоминали функции хеттского. Ареал компактного распространения лувийского языка, обозначенный в разделе 1.2, не нуждается в дополнительной модификации.

Третья глава представляет собой исследование, посвященное доказательству наличия структурных контактов между хеттским и лувийским языками в доисторический период. Данная проблема является весьма актуальной для уточнения ареала лувийской прародины. Как уже упоминалось выше, в работе [Bryce 2003] она постулируется на западе Анатолии, а присутствие лувийцев на центральноанатолийском плато объясняется как результат миграций середины второго тысячелетия до н. э. Если следовать широко распространенной гипотезе, согласно которой локальная прародина хеттов располагалась в верхнем и среднем течении реки Кызыл-Ирмак, сценарий Брайса предполагает перерыв в хетто-лувийских контактах в период между распадом общеанатолийского состояния и переселением лувийцев в центральную часть Малой Азии.

Как будет показано в четвертой главе, наличие подобного разрыва не подтверждается лингвистическими фактами. Десятки лувийских заимствований в древнейшие хеттские тексты приводятся в статье [Melchert 2005]. Лувийские личные имена засвидетельствованы в староассирийских деловых документах из Канеша XX – XVIII вв. до н. э. Лу-

вийские заклинания встроены в древнехеттские магические ритуалы, а область Лувия упоминается в древнехеттских законах как регион, находящийся под юрисдикцией царства Хаттусы. Совокупность этих аргументов делает гипотезу Брайса крайне маловероятной. Вместе с тем, следует подчеркнуть вероятностный характер этнолингвистических интерпретаций, основанных исключительно на анализе лексических контактов. Лексические экзотизмы могут заимствоваться из географически удаленных языков, лувийские купцы и шаманы могли преодолевать большие расстояния в поисках заработка в стране хеттов, а завоевание Хаттусой части западной Анатолии в период Древнего царства теоретически может оказаться кратковременным эпизодом, не отраженным в хеттских анналах.

Заимствование грамматических морфем представляет собой аргумент качественно иного характера. Контактное обусловленное грамматическое сближение различных лингвистических систем возможно лишь в условиях стабильного дву- или многоязычия. В древних сообществах, не имевших доступа к всеобщему образованию и средствам массовой информации, подобное многоязычие могло возникнуть лишь при условии географической смежности ареалов соответствующих языков. Поэтому даже обоснование одного единственного случая грамматического заимствования является, в принципе, достаточным для исключения гипотезы о географической дистанции между ареалами распространения языка-донора и языка-реципиента.

Основной задачей данной главы является формальное доказательство грамматических контактов между хеттским и лувийским языками, повлиявших на генезис хеттской возвратной частицы $=z(a)$. Данная проблема имеет большое значение не только для этнолингвистической

интерпретации, но и для исторической индоевропейстики в целом, поскольку грамматическая морфема $=z(a)$ пока не имеет убедительной индоевропейской этимологии.

Изложенные выше методологические соображения развиваются в разделе 3.1. Раздел 3.2 содержит очерк эволюции местоименных клитик от общепалатийского состояния к общелувийскому. Демонстрируется, что развитие данного фрагмента лувийской грамматической системы, и в частности системы возвратных местоименных клитик, может быть объяснено внутриязыковыми факторами и не требует апелляции к языковым контактам. Ключевым этапом в их преобразовании явилось аналогическое распространение дативных (рефлексивных и нереклексивных) лексических местоимений второго лица единственного числа на третье лицо единственного числа (Таблица 1). Вероятной причиной этого преобразования, иллюстрированного в приведенной ниже таблице, был унаследованный синкретизм форм второго и третьего лица во множественном числе.

Таблица 1

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	(нет)	=mu	=mu	=mi
2	(нет)	=du	=tu/=du ↓	=ti/=di ↓
3	=as / =ada	=an / =ada	=tu/=du	=ti/=di

Раздел 3.3 посвящен описанию эволюции клитических местоимений в палатийском (Таблица 2) и лидийском (Таблица 3), являющихся ближайшими родственниками хеттского за пределами лувической группы языков. Данные языки также обнаруживают синкретизм дативных

форм второго и третьего лица, хотя здесь он осуществляется менее последовательно:

Таблица 2

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	(нет)	*= μ	= μ	?
2	(нет)	= $tu^?$	= $tu \downarrow$	← = ti = si
3	= as / = ad	= an / = $ad^?$	= tu	*= $si \uparrow$

Таблица 3

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	(нет)	= m	= m	= m
2	(нет)	?	*= $m\lambda$	*= $i\tau$ / = $\tau \downarrow$
3	= $a\acute{s}$ / = ad	= av / = ad	= $m\lambda$	= $i\tau$ / = τ = is / = \acute{s}

В разделе 3.4 я обращаюсь к хеттским материалам. Здесь обнаруживается интересная асимметрия между поведением неререфлексивных и рефлексивных клитик дательного падежа. В отличие от всех упомянутых выше языков, хеттский вовсе не обнаруживает тенденции к устранению оппозиции по лицу между дативными неререфлексивными клитиками единственного числа. Напротив, рефлексивные местоимения полностью устранили соответствующую оппозицию, обобщив форму второго лица $*=ti/=di$, из которой впоследствии развилась частица $=z(a)$. Асимметрия между хеттскими неререфлексивными и рефлексивными клитиками проявляется не только на морфологическом, но и на фонологическом уровне. Местоимение $*=s\bar{e}$ ‘ему’ является регулярным фонетическим отражением индохеттского $*=soi$, а возвратное $*=ti/=di$ обнаруживает нерегулярный вокализм для рефлекса индохеттского $*=toi$.

Таблица 4

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	(нет)	=mu		*=ti/=di
2	(нет)	*=te/ =de		*=ti/=di ↑↓
3	=as / =ad	=an / =ad	*=sē	*=ti/=di

Обе асимметрии, однако, получают естественное объяснение, если исходить из гипотезы об адаптации хеттского возвратного местоимения $*=tē/=dē$ (< и.-е. $*=toi$ ‘тебе’) под влиянием лувийского языка. С одной стороны, морфологическая интерференция с лувийским могла дать толчок нейтрализации числовых оппозиций в системе рефлексивных местоимений, тогда как более стабильные анафорические местоимения сохранили исконно хеттское распределение форм. С другой стороны, фонетическая интерференция с лувийским могла вызвать нерегулярное развитие $*=tē/=dē > *=ti/=di$ ($*=ti/=di$ является закономерным фонетическим рефлексом индохеттского $*=toi$ в лувийском).

Наконец, в разделе 3.5 я обсуждаю вероятную датировку обсуждаемого эпизода грамматической адаптации, а также его социолингвистическую интерпретацию. Здесь обосновывается большое количество нетривиальных фонологических и аналогических изменений в хеттском языке, хронологически следующих за постулируемым актом адаптации. Следует предположить что между моментом интенсивного контакта хеттского и лувийского языков и временем создания древнейших хеттских письменных памятников прошло, по крайней мере, несколько сотен лет. Таким образом, ареалы распространения двух языков вероятно соседствовали друг с другом еще в третьем тысячелетии и при наличии переходных диалектов нет никаких положительных оснований полагать, что

их носители воспринимали друг друга в данный период как две различные этнические группы. Становление хеттского и лувийского этносов возможно было связано с кристаллизацией государственных образований на территории Малой Азии в последующий период.

Четвертая глава обращается к рассмотрению эволюции статуса и функций лувийского языка в центральной части Анатолии в период между 2000 и 1350 гг. до н. э. Основными вехами политической истории Анатолии в данную эпоху является формирование и распад системы ассирийских торговых факторий (XX-XVIII вв. до н. э.) и образование царства Хаттусы (XVII в. до н. э.). От этого периода сохранилось достаточно большое количество письменных памятников, однако они неравномерно распределены по отдельным его отрезкам, и поэтому методология моего исследования также варьирует по разделам, в зависимости от подлежащих рассмотрению языковых ситуаций.

Вводный раздел 4.1, как обычно, посвящен методологическим аспектам исследования. Раздел 4.2 содержит анализ анатолийских имен собственных в деловых документах на староассирийском языке, обнаруженных в основном при раскопках ассирийской фактории Канеша (Несы). На основании полной росписи ономастической базы данных, подготовленной специалистами-ассириологами и обобщающей данные опубликованных староассирийских текстов, выявлена группа лувийских и/или лувических имен собственных, встречающихся в данном корпусе. Произведен просопографический анализ имен, относящихся к указанной группе, с целью выяснения роли их носителей в обществе Канеша. Эмпирические результаты исследования представлены в табличном виде.

Проведенный анализ в целом подтверждает выводы полувековой давности [Garelli 1963: 188], согласно которым большинство туземных имен из Канеша / Несы являются по своей структуре хеттскими, а не лувийскими. Этого и следовало ожидать, учитывая, что самоназвание хеттского языка («несийский») связывает его с данным полисом. Вместе с тем, обладатели лувийских имен не локализируются в определенной социальной или профессиональной группе, и обнаруживаются примеры гибридной хетто-лувийской ономастики, а также сосуществования хеттских и лувийских имен внутри одной и той же семьи. Такая дистрибуция является важным аргументом против гипотезы о принадлежности лувийской ономастики иностранным торговцам. С другой стороны, она совместима с предположением о том, что носители хеттского языка могли иногда получать лувийские имена из соображений моды или престижа (и наоборот).

Основной задачей раздела 4.3 является попытка объяснения отсутствия преемственности между личными именами из Несы и новой столицы Хаттусы. В противоположность тем, кто видит здесь свидетельство сугубо письменного статуса «несийского» языка в царстве Хаттусы [напр. Steiner 1981], я предположительно связываю переход к новой ономастике с влиянием традиций города Куссара, из которого вела свое начало правящая династия царств Несы и Хаттусы. Естественная передача разговорного хеттского языка вплоть до конца бронзового века подтверждается характером его развития от древнехеттского состояния к новохеттскому.

В разделе 4.4 анализируются лувийские заимствования в древнехеттский. Основной акцент делается на религиозной и административной лексике. В частности, подробно разбираются новые этимологии

хетт. *ubati*- ‘домен’, *nī*- ‘повиновение’ и *udne* ‘страна’. Ни одно из этих заимствований не может считаться синхронным лувийским экзотизмом, поскольку их денотатами являются местные социальные институты. На основании проведенного анализа этих и других заимствованных лексем делается вывод о наличии лувийского суперстрата в древнехеттском.

Раздел 4.5 посвящен локализации области Лувия, упоминаемой в древнехеттских законах, как часть царства Хаттуса. Географический анализ осуществляется методом исключения. Среди всех лувоязычных регионов, обсуждаемых в первой главе, наиболее вероятным кандидатом на идентификацию с Лувией оказывается центральноанатолийское плато или его западная периферия. Это хорошо согласуется с предложенной этимологией топонима *Luwiya*, сопоставляемого с и.-е. **louko*- ‘равнина, степь’. Наличие лувийского суперстрата в древнехеттском объясняется в контексте политического господства лувийского княжества Пурусханда в центральной Анатолии в период до завоеваний Анитты.

В разделе 4.6 обсуждается статус лувийского языка в Древнем Царстве. На основании анализа метафорического переключения кодов в религиозных текстах из Хаттусы, относящихся к этому периоду, делается вывод об официальном признании мультиэтнического характера царства Хаттусы со стороны его правителей, несмотря на сохранение социально доминирующей роли хеттского языка. Этимологический анализ личных имен аристократии Хаттусы позволил мне высказать предположение о постепенной инфильтрации носителей лувийского языка в царскую семью, осуществлявшуюся в данный период в результате браков и дворцовых переворотов.

В Раздел 4.7 я продолжаю обсуждение статуса и функций лувийского языка в царстве Хаттусы, анализируя эту проблему в применении

к периоду Раннего Нового Царства (начало XIV в до н. э.). Этимологический анализ собственных имен в среднехеттских текстах, рассмотрение исторических свидетельств о ситуационном переключении кодов как части придворного этикета и изучение контактно-обусловленных изменений в среднехеттском языке дают согласующиеся друг с другом результаты. При общем повышении пропорции носителей лувийского языка в столице царства, можно констатировать понижение его социального статуса. Так, например, хотя придворные инструкции предписывают употребление лувийского языка в определенных ситуациях, соответствующие команды цитируются не по-лувийски, а по-хеттски, что по видимому указывает на несовместимость лувийского языка с формальным письменным дискурсом в рассматриваемый период.

Раздел 4.8 посвящен языковой ситуации в княжестве Киццуватна. В противовес точке зрения о происхождении группы хеттских ритуалов с лувийскими заклинаниями из архивов данного княжества (отраженной, например, в монографии [Miller 2004]), я привожу исторические и филологические аргументы в пользу письменной фиксации данных текстов в период после аннексии Киццуватны империей Хаттусы. Лувийские заклинания записывались хеттскими писцами без перевода с целью сохранения ритуальной чистоты провинциальной шаманистической традиции, передававшейся до этого в устной форме. Поэтому нет оснований приписывать лувийскому языку в княжестве Киццуватна официальный статус. В том же разделе предложена новая этимология данного топонима, который, по моему мнению, является лувийской адаптацией хеттского **kez-udne* ‘страна с этой стороны (гор)’.

Раздел 4.8 обращается к дискуссионной проблеме происхождения анатолийских иероглифов. Вопреки широко распространенному

мнению о создании иероглифического письма лувийцами и его последующем импорте в государство Хаттусы, я отстаиваю точку зрения, согласно которой система анатолийских иероглифов была создана для нужд двора Хаттусы в двуязычной хетто-лувийской среде. Наиболее убедительным аргументом в пользу такого сценария являются результаты анализа акронимической деривации анатолийских силлабограмм. Как это видно из приведенной ниже таблицы, некоторые анатолийские логограммы приобрели силлабические значения при посредстве хеттских лексем, тогда как в других случаях деривация опирается на их лувийские эквиваленты.

Таблица 5

L 41		CAPERE	<tà> (/da/)	Hitt. <i>da-</i> ‘брат’ vs. Luv. <i>la(la)-</i> ‘брат’
L 391		4	<mi>	Hitt. <i>miwa</i> ‘четыре’ vs. Luv. <i>mawa</i> ‘четыре’
L 90		PES	<ti>	Hitt. <i>tiya-</i> ‘шагать’ cf. Luv. <i>ta-</i> ‘стоять’
L 13		PRAE	<pari>	Luv. <i>parri</i> ‘перед’ vs. Hitt. <i>peran</i> ‘перед’
L 165		BONUS	<wà/i>	Luv. <i>wāsu-</i> ‘хороший’ vs. Hitt. <i>assu-</i> ‘хороший’
L 327		SIGILLUM	<sa ₅ >	Luv. <i>sasanza</i> ‘печать’ vs. Hitt. <i>siyatar</i> ‘печать’

В заключительном разделе 4.10 предлагается обобщение исторических выводов четвертой главы. Локальной прародиной лувийцев явля-

лась область, именуемая Лувией в хеттских законах и располагавшаяся на территории центральноанатолийского плоскогорья. В более поздних хеттских источниках тот же регион именовался «Нижней страной». Он соприкасался на востоке с территорией хеттского княжества Неса, служившего основным узлом ассирийской торговли в Анатолии в начале второго тысячелетия до н. э. Правители Несе имели могущественных соперников в лице царей города Пурусханды, располагавшегося на лувийской территории. Живущие в Несе и ее окрестностях хетты были открыты лувийскому влиянию, как вследствие присутствия лувийского этнического меньшинства на их территории, так и по причине вероятной политической гегемонии Пурусханды в центральной Анатолии.

Политическая ситуация в регионе резко изменилась после прихода к власти в Несе куссарской династии в XVIII веке до н. э. Анитта, второй представитель этой династии, предпринял серию военных походов, увенчавшихся подчинением царей Пурусханды и принял титул «великого царя». Хотя куссарская династия, вероятно, была не хеттской по своему происхождению, она ассимилировалась в Несе (или в предшествующий период). Поэтому завоевания Анитты помогли хеттскому языку приобрести социально доминирующий статус в регионе, ранее принадлежавший лувийскому. Статус культурно доминирующего (письменного) языка центральной Анатолии в тот же период сохранялся за аккадским.

Распад системы ассирийских факторий в Малой Азии повлек за собой наступление «темного века» от которого не осталось письменных источников. На момент возобновления письменной традиции во второй половине XVII века до н. э. куссарская династия уже покинула Несу и перенесла столицу в Хаттусу. Родным языком прежнего государствооб-

разующего этноса в данном регионе, по-видимому, являлся хаттский, но к рассматриваемому времени он оказался низведен до статуса языка культурной и религиозной традиции. Новыми поселенцами в Хаттусе были хетты и лувийцы, возможно наряду с другими этническими группами. Хетты, называвшие себя теперь «людьми Хаттусы», занимали господствующее положение в новом царстве, но лувийцы (или «люди Лувии») находились под защитой закона как второй по рангу этнос.

Ранняя история Древнего Царства Хаттусы отмечена серией рейдов в юго-восточную Анатолию и Сирию. Соблазнительно связать эти походы с миграциями отдельных групп анатолийцев в юго-восточном направлении. Среди новых поселенцев к югу от Тавра были как хетты, так и лувийцы, хотя последние, вероятно, находились в большинстве. Как минимум часть коренного населения юго-восточной Анатолии составляли хурриты. Ослабление царства Хаттусы в XVI веке до н. э. привело к отделению этой территории и образованию мультиэтнического государства Киццуватна, попавшего вскоре в сферу влияния хурритского царства Митанни.

Статус аккадского как основного письменного языка Малой Азии подвергся определенной эрозии уже в период Древнего Царства, когда определенные жанры текстов начали записываться на туземных языках. В большинстве случаев это был хеттский, однако засвидетельствованы случаи чередования хеттских, лувийских и палайских заклиний в пределах одного и того же религиозного текста. Аккадский язык продолжал сдавать свои позиции под влиянием местного национализма в период Раннего Нового Царства. В это время складывается система анатолийских иероглифов, призванная заменить месопотамскую клинопись или использоваться совместно с ней на личных печатях. Первые

иероглифические тексты являются лингвистически двусмысленными, и в этот период еще не приходится говорить о жесткой ассоциации между анатолийскими иероглифами и лувийским языком.

К началу XIV века до н. э. хеттский стал основным письменным языком дворцовой канцелярии Хаттусы, тогда как в устном употреблении он являлся акролектом, и в частности использовался для отдачи приказов. Культурный престиж хеттского языка распространился и на западную Анатолию, где Тархунтарада и, возможно, другие правители Арцавы начали использовать его для дипломатической переписки. Термин Лувия перестает употребляться в этот период, возможно потому, что лувийцы оказались этническим большинством во многих частях царства Хаттусы, включая и его столицу. С другой стороны, престиж лувийского языка в этот период, по-видимому, упал, поскольку он стал восприниматься хеттами, как язык низших слоев населения.

Националистические реформы царей Хаттусы не оказали влияния на языковую ситуацию в независимой Киццуватне, где аккадский и хурритский языки продолжали сохранять влияние в официальной сфере. Мультиэтническая культурная среда юго-восточной Анатолии создавала благоприятные условия для устной передачи религиозных текстов как на хеттском, так и на лувийском языках. В отличие от шаманов Хатти и Арцавы, которые не возражали против перевода ритуалов на хеттский при их письменной фиксации, а также, возможно, считали хеттский язык наиболее пригодным для устной ритуальной практики, их коллеги из Киццуватны иногда настаивали на дословной фиксации лувийских заклинаний с целью повышения их иллокутивной силы. Распределение функций языков по различным государствам Анатолии отражено в следующей таблице (предполагается, что лингвистически доминирующий

язык – это наиболее употребительный язык большинства населения, социально доминирующий язык – это родной язык правящей верхушки, а культурно доминирующий язык – это язык письменной традиции):

Таблица 6

доминантность	лингвистическая	социальная	культурная
Киццуватна	Лувийский	лувийский хеттский	аккадский хурритский
Хатти	Лувийский	хеттский	хеттский
Арцава	Лидийский	карийский	хеттский

Вхождение Киццуватны в состав империи Хаттусы в середине XIV века до н. э. усилило хурритское влияние на культурную традицию империи. Напротив, неясно, до какой степени завоевание Киццуватны повлияло на продолжающийся языковой сдвиг с лувийского на хеттский в Хаттусе и ее окрестностях, объяснение которого в принципе не требует отсылки к внешним факторам.

Пятая глава посвящена моделированию контактов между хеттским и лувийским языками в имперский период (вторая половина XIV и XIII век до н. э.). Она состоит из введения (5.1) и трех основных частей, посвященных соответственно влиянию лувийского языка на новохеттскую фонологию (5.2), контактными явлениям в области морфосинтаксиса (5.3), и лексической интерференции (5.4). Тема первой части является, пожалуй, наименее разработанной в современной хеттологической литературе. К числу фонетических изменений, предлагавшихся для новохеттского языка, относятся переход $i < e$, противоположный переход $e > i$ и образование носовых гласных. Эти процессы обсуждаются по порядку в разделах 5.2.1-3. На основании росписи и этимологического ана-

лиза примеров, я прихожу к заключению, что фонетический переход $i < e$ распространяется посредством лексической диффузии, наличие фонетического изменения $e > i$ не подтверждается новохеттскими данными, а наличие носовых гласных более характерно для спонтанной диктовки, чем для обработанных письменных текстов, и поэтому является социолингвистической переменной в полном смысле этого слова.

Следующей задачей, решаемой в разделе 5.1.4, является определение совместимости описанных языковых изменений с гипотезой о прекращении естественной передачи хеттского языка в XIV-XIII вв. н. э. Социолингвисты и исторические лингвисты часто оперируют метафорой «языковой смерти», одной из популярных интерпретаций которой является невозможность структурных изменений в языке традиции. Такая интерпретация, однако, очевидным образом ошибочна: говоря о фонетических изменениях, достаточно упомянуть произношение лат. *centum* ‘100’ как /tʃentum/ в итальянской и /θentum/ в испанской литургических традициях. Это изменение является примером гипокоррекции, то есть адаптации произносительной нормы языка традиции к фонотактике основного разговорного языка определенного языкового сообщества. Существуют также отдельные примеры гиперкоррекции в мертвых языках, то есть искусственного увеличения фонетической дистанции между ними и соответствующими разговорными языками в попытке сохранить чистоту традиции.

Образование носовых гласных в новохеттском можно считать контактно обусловленным гипокорректным явлением. Хотя иероглифическая орфография не позволяет проследить данный процесс, существуют многочисленные примеры графического опущения этимологического **n* на конце слога в клинописных лувийских текстах. Родственные лувий-

ческие языки первого тысячелетия до н. э., ликийский и милийский (лийский Б) имели особые графемы для записи назализованных гласных \tilde{a} , \tilde{e} , and \tilde{n} [Melchert 1994: 293-94]. Назализация гласных распространилась и на смежный памфилийский диалект древнегреческого языка, где встречается форма ПЕДЕ /pēde/ < *pente ‘five’ [Watkins 2001: 59]. Разумеется, гипокоррекция в новохеттском не доказывает языковой сдвиг к лувийскому в XIII веке до н. э., однако она совместима с подобной гипотезой.

Напротив, переход $i < e$ в новохеттском безусловно не является гипокоррекцией, поскольку одной из наиболее характерных черт, отличающий лувийский язык от хеттского, является как раз отсутствие фонемы /e/. Нельзя также считать это изменение гиперкоррекцией в языке традиции, поскольку лексическая диффузия фонетических изменений является механизмом взаимодействия между «живыми» языками и диалектами. Кроме того, нельзя рассматривать данный процесс как результат некорректного пересчета соответствий в вокализме между хеттским и лувийским, поскольку наиболее частотным соответствием лувийского /e/ в унаследованной лексике является фонема /a/.

Альтернативный социолингвистический сценарий, объясняющий переход $i < e$ в новохеттском, предложен в разделе 5.2.5. Отмечается, что еще в древнехеттский период заимствования из лувийского языка, содержащие этимологическое **i*, могли передаваться в хеттском с гласной *e*. Первоначальной причиной этого явления, возможно, являлся широкий фонетический диапазон лувийской фонемы *i*, однако обобщение **e* должно представлять результат сознательной языковой манипуляции с целью ассимиляции лувийских заимствований. Ядром языкового сообщества, в котором распространялась данная инновация, вероятно, явля-

лись носители хеттского языка, желавшие дистанцироваться от плохо владевших им лувийцев.

Сходное объяснение можно предложить и для более позднего изменения $i < e$ в собственно хеттских лексемах. Как известно, правильное произношение является наиболее устойчивым стереотипом совершенного владения языком. Если предположить, что характерной чертой лувийского акцента являлась замена e на i при произношении хеттских слов, обратное изменение в среде образованного хеттского меньшинства являлось бы естественной гиперкоррекцией. Однако необходимым условием для допущения подобного сценария является наличие ядра писцового сообщества, для которого хеттский язык являлся родным. Вывод об ограниченной естественной передаче хеттского языка в XIV-XIII вв., является, пожалуй, наиболее важным результатом второй части пятой главы.

Третья часть пятой главы посвящена контактно-обусловленному развитию системы новохеттского морфосинтаксиса. Ввиду того, что данная тема недавно обсуждалась в работе Rieken 2006, я не ставлю задачи подробного разбора всех инновационных явлений, а сосредотачиваюсь на материале, имеющем существенные импликации для уточнения природы хетто-лувийских контактов в рассматриваемый период. Выделяются две группы языковых изменений: окказиональные инновации и инновации, закрепившиеся в новохеттском письменном языке. Разумеется, граница между этими группами не является строгой – даже в случае регулярных морфосинтаксических изменений иногда можно идентифицировать тексты, в которых они впервые отражены полностью или частично, а также спорадические случаи писцовой гиперкоррекции.

Тем не менее, эти два типа инноваций имеют различную социолингвистическую мотивацию.

Примером окказионального контактно-обусловленного явления в новохеттском является нерегулярный переход *a*-основ и консонантных основ в *i*-склонение (напр. вин. мн. *kissarius* от основы *kissar(a)*- ‘рука’). Подобный перебой наблюдается в тех падежных формах, где в лувийском отмечается регулярное обобщение основ на *i* (так называемое *i-motion* германоязычной традиции). Вопреки мнению [Rieken 1994], согласно которому *i-motion* проникло в хеттский через лувийские заимствования, а впоследствии распространилось по аналогии, я полагаю, что нерегулярный переход в *i*-склонение в новохеттском является прямым результатом структурной интерференции. Тексты, где наблюдается подобное явление принадлежат писцам, для которых родным языком являлся лувийский.

Примером устоявшейся, хотя и не вполне регулярной морфосинтаксической инновации, обусловленной хетто-лувийским двуязычием, является удвоение клитик в новохеттском:

Таблица 7

хеттский	лувийский	новохеттский
= an =z(a) 3sg.acc.c.-Refl.	= ti = an Refl.-3sg.acc.c.	= an =z= an 3sg.acc.c.-Refl.-3sg.acc.c.
= as =si 3sg.nom.c.-3sg.dat.	= du = as 3sg.dat-3sg.nom.c.	= as =si(= as) (=as опционально) 3sg.nom.c.-3sg.dat.-3sg.nom.c.
= at =si 3sg.nom.n.-3sg.dat.	= du = at 3sg.dat-3sg.nom.n.	= at =si(= at) (=at опционально) 3sg.nom.n.-3sg.dat.-3sg.nom.n.
= at =mu	= mu = at	= at =mu

3sg.acc.n.-1sg.dat.	1sg.dat-3sg.acc.n	3sg.acc.n.-1sg.dat.
---------------------	-------------------	---------------------

Как видно из приведенной выше таблицы, стандартный хеттский и лувийский языки характеризуются различным порядком местоимений в клитическом комплексе. В новохеттском постепенно закрепляется компромиссная конструкция, в которой кальки лувийских местоимений винительного падежа добавляются справа к цепочке хеттских местоимений, приводя тем самым к удвоению клитик. Существенно, однако, что на данный феномен накладывается дополнительная лексическая дистрибуция: удвоение является последовательным в случае $=an=z=an$, факультативным в случаях $=as=si(=as)$ и $=at=si(=at)$ и вообще отсутствует в $=at=mi$ и ряде других новохеттских местоименных комплексов.

Неравномерное распределение удвоения новохеттских клитик можно объяснить, исходя из структуры хеттского языка. В случае $=an=z=an$, удвоение закрепилось благодаря тому, что в стандартном хеттском уже существовала последовательность клитик $=an=z=san$ (где $=san$ – это частица пространственной ориентации), фонетически совпадавшая с $=an=z=an$. В литературе по исторической лингвистике конструкции, подобные $=an=z=an$, получили наименование «раковотшельников» [Heath 1998]. В случае $=as=si(=as)$ и отчасти $=at=si(=at)$ можно предположить, что частичное закрепление удвоения было вызвано недостаточной транспарентностью первоначальных клитических комплексов. Контактно-обусловленная инновация не была реализована в случае $=at=mi$, поскольку не существовало внутренней мотивации ни для устранения $=at=mi$, ни для закрепления $=at=mi=at$.

Разумеется, подобные рассуждения имеют смысл лишь при условии допущения, что в селекции контактно обусловленных кон-

струкций принимали участие носители хеттского языка. Лувийцы, стремившиеся овладеть хеттским как вторым языком, могли создать местоименный комплекс с редупликацией клитик, но при проникновении этой конструкции в «естественный» новохеттский (*natively transmitted Late Hittite*), на нее оказались наложены дистрибуционные ограничения системного характера. Старый тезис Романа Якобсона, согласно которому язык заимствует чужие структурные элементы только в том случае, если они отвечают внутренней тенденции его развития, неверен для ситуации языкового сдвига, как в частности показало изучение креольских языков, но остается в целом верным для ситуации естественной языковой передачи.

В четвертой части разбираются явления лексической интерференции, прежде всего употребление лувийских слов и выражений в хеттских текстах, часто помеченное «глоссовым клином». Данный феномен играет ключевую роль в определении относительного статуса престижа хеттского и лувийского языков в имперский период. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют сравнить социолингвистические установки различных сегментов элит Хаттусы. Наличие или отсутствие лувийских гостевых форм в оригиналах хеттских текстов определяет отношение их авторов к смешению кодов. Употребление «глоссового клина» и редактирование самих текстов переписчиками отражает пуристические установки, или отсутствие таковых, внутри писцового сообщества.

Раздел 5.4.1 посвящен прагматике «глоссового клина» в ее синхронном и историческом аспектах. Родиной этого символа по-видимому является не Анатолия, а Сирия и Левант, где он также часто маркирует иноязычные глоссы (Левант) и гостевые формы (Сирия и Анатолия). В

качестве примера можно привести *yi-na-aš-ši :na-aš-ša-a* ‘возвысился’ в тексте из Эль-Амарны, где *Glossenkeil* (в транслитерации двоеточие) отделяет аккадскую глагольную форму от ее западносемитского эквивалента. Употребление «глоссового клина» в ситуации смешения кодов, характерное, прежде всего, для сирийских и анатолийских текстов, является с исторической точки зрения перенесением сирийской практики на анатолийскую почву.

Вместе с тем, возможно показать, что синхронная прагматика «глоссового клина» в текстах из Хаттусы не сводилась к указанию на переключение кода. С одной стороны, этот знак никогда не употребляется для пометки шумерограмм и аккадограмм в хеттском контексте, а с другой стороны, он может иногда сопровождать нестандартные или разговорные хеттские формы. В одном случае «глоссовый клин» сопровождает вполне нормативную хеттскую форму *sakuwa* ‘глаза’, там, где ожидалось бы употребление шумерограммы IGI.HI.A. Эти факты заставляют меня предположить, что *Glossenkeil* рядом с определенной формой в хеттском тексте указывает на то, что писец считал эту форму стилистически неуместной.

Проверке данной гипотезы посвящен раздел 5.4.2. Используя хеттские тексты, доступные в нескольких копиях, я постарался проследить судьбу маркированных форм в процессе стабилизации текста. Выясняется, что «глоссовые клинья» снимались в процессе редактирования текста, но при этом нестандартные формы иногда подвергались нормализации. Так, например, теоним $\sim hūwayalli$ ^dUTU-i ‘солнечному боже-ству *huwayalli*’ в черновике молитвы царя Муваталли заменяется выражением *kutru* ^dUTU-i ‘солнечному боже-ству – свидетелю’ в ее отредактированной версии. Лувийский эпитет $\sim hūwayalli$ был устранен при

редактировании, вместе с ним был устранен и *Glossenkeil*. С другой стороны, наблюдаются многочисленные случаи устранения «глоссовых клиньев» без какой-либо дополнительной редакторской правки. В этом случае маркировка, как правило, снимается с собственно хеттских лексем или с освоенных лувийских заимствований, приемлемых для официально-бюрократического стиля с точки зрения хеттских переписчиков.

Темой раздела 5.4.3 является распределение маркировки неосвоенных лувийских заимствований по текстовым жанрам. Результаты росписи лувизмов в хеттских текстах сведены в следующей таблице:

Таблица 8

	Жанр	Помечено	Не помечено	Соотн.
1	Ритуалы	29	38	0.76
2	Тексты из лувийского ареала	18	23	0.78
3	Сценарии праздников	29	15	1.93
4	Обеты	18	5	3.6
5	Гадательные тексты	65	13	5
6	Письма	27	5	5.2
7	Мифологические тексты	30	3	10
8	Судебные протоколы	21	2	10.5
9	Хроники, договоры, указы	79	7	11.3

Интуитивно ясно, что гипотеза о равномерном распределении маркировки по жанрам должна быть отвергнута, и данный вывод подтверждается с помощью статистического анализа по методу «хи-квадрат». Выясняется, что наибольший процент немаркированных лувийских форм имеют те новохеттские тексты, которые с большой веро-

ятностью представляют собой адаптации древнехеттских и среднехеттских источников. В недавно вышедших монографиях Miller 2004 и Christiansen 2006 было показано, что основным механизмом создания новой религиозной литературы в империи Хаттусы являлась модификация уже существующей ритуальной и литургической литературы. Напротив, нохеттские тексты в нижней части таблицы являются или оригиналами или недавними переводами с других языков (последнее в основном касается сочинений мифологического характера).

Таким образом, приходится сделать вывод, что хеттские переписчики реже помечали лувизмы в письменных сочинениях, освященных традицией, чем в недавно продиктованных или переведенных текстах. Употребление «глоссового клина» отражало в первую очередь, противоречие между степенью лексической интерференции допустимой в устной речи XIII века до н. э. и стилистическими нормами канцелярии Хаттусы. В отличие от писцов Сирии и Палестины, сигнализировавших своими глоссами: “я не знаю, как написать это по-аккадски”, писцы в Хаттусе скорее ставили саркастические пометки: “он не знает, как сказать это по-хеттски”.

В разделе 5.4.4 я перехожу от рассмотрения писцовой практики к анализу социолингвистических установок авторов нохеттских текстов. Употребление лувийских слов и выражений в данном корпусе может иметь три различных объяснения: наличие открытого списка неадаптированных заимствований (ср. употребление греческих лексем в дискурсе образованных римлян или церковнославянизмов в русском литературном языке XVIII века), смешение кодов, обусловленное языковой некомпетентностью, или прагматически обусловленное смешение кодов в ситуации полного двуязычия. Последовательное рассмотрение этих трех

сценариев заставляет меня отдать предпочтение последней альтернативе.

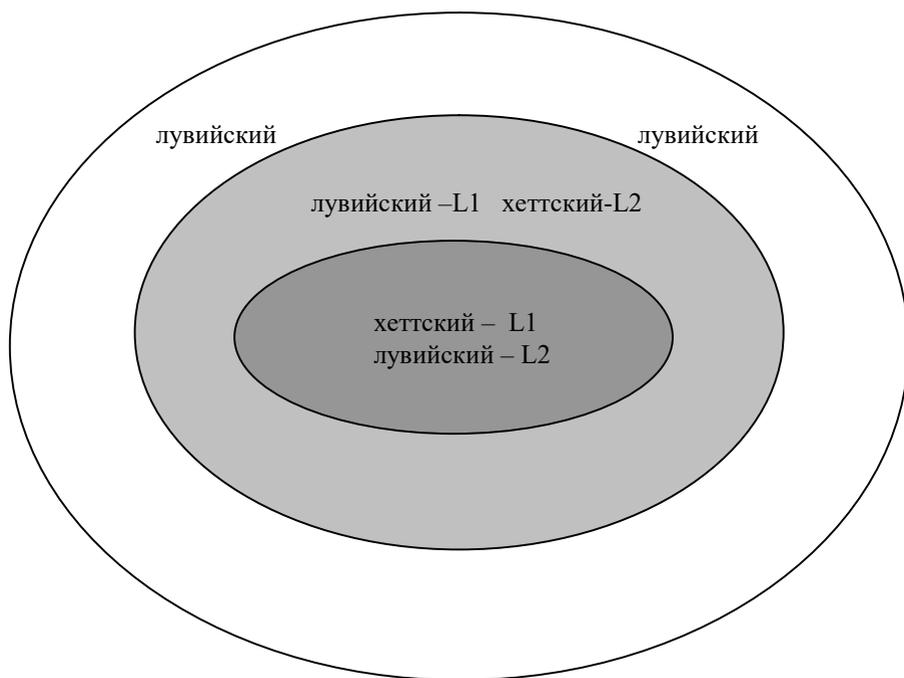
Смешение кодов в ситуации полного двуязычия может использоваться для выражения солидарности внутри речевого сообщества или маркировать изменение коммуникативной ситуации. Не менее частыми, однако, являются случаи, когда переход с одного языка на другой осуществляется бессознательно, попросту потому, что определенные элементы того или иного языка являются более выразительными с точки зрения говорящего или более точно передают его мысль. Именно такой характер обычно имеет употребление лувизмов в письменных новохеттских текстах. В качестве примера рассмотрим следующее предложение из Апологии Хаттусили III: *ni KUR UGU-TI ≈ ta-pár-ha* 'И я правил Верхней Страной' (KUB 1.1 i 27). Предложение начинается по-хеттски, как это следует из употребления связки *ni*, но заканчивается лувийским предикатом *taparha* 'я правил', помеченным глоссовым клином. Использование этого глагола вместо его хеттского эквивалента *maniyahhun* вероятно было обусловлено созвучием и родством лувийского слова с царским титулом *tabarna*. Из этого и других хеттских сочинений Хаттусили III известно, что этот царь, завладевший тронном в результате переворота, всячески стремился подчеркнуть легитимность своей власти в собственном дискурсе. В данном случае он мог избрать лувийский синоним, лучше служивший этой задаче.

Гипотеза о неосознанном переходе с хеттского на лувийский язык в устной речи элит Хаттусы имеет серьезные социолингвистические импликации. Приходится признать, что представители правящего класса империи не только овладели основами лувийской грамматики, но и использовали лувийский язык для передачи оттенков значений и кон-

нотаций, которые они не могли выразить по-хеттски. Хотя хеттский как матричный язык оставался нормой официального дискурса, свободное употребление лувийского как гостевого языка свидетельствует о полном двуязычии элит Хаттусы и об исчезновении предрассудков по отношению к лувийскому языку в ее среде.

Социолингвистические выводы пятой главы могут быть обобщены в приведенной ниже диаграмме, моделирующей языковую ситуацию в различных социальных слоях империи Хаттусы

Схема 2

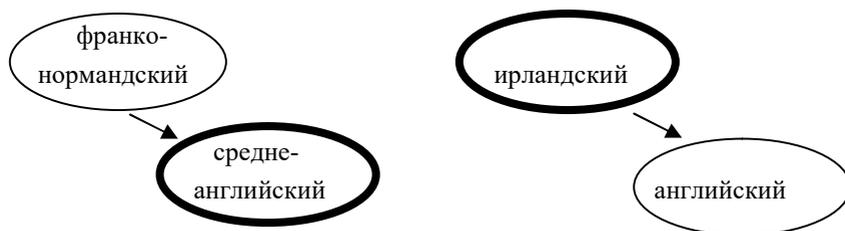
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение к диссертации представляет собой попытку резюмировать выводы предыдущих разделов в свете общей типологии языковых контактов. Фундаментальной с типологической точки зрения является оппозиция между двумя типами «горизонтальной» передачи языкового материала: заимствованием и структурной интерференцией (*imposition*). Оба типа передачи предполагают, что их непосредственные агенты обладают определенной компетенцией как в области языка-донора, так и в области воспринимающего языка. В случае заимствования, однако, воспринимающий язык, как правило, является лингвистически доминирующим (наиболее часто употребляемым или наиболее понятным) для агентов передачи, а в случае интерференции то же самое верно в отношении языка-донора. Поэтому заимствование обычно затрагивает наименее стабильные компоненты языковой системы, а интерференция, напротив, касается ее наиболее стабильных компонентов [van Coetsem 2000: 60, 62].

Для иллюстрации данной оппозиции можно привести два хрестоматийных примера. Контакты между англо-саксами и норманнскими завоевателями в средневековой Англии привели к проникновению большого числа франко-нормандских лексем в среднеанглийский язык, но не вызвали ощутимого структурного сближения между двумя языками. Напротив, контакты между ирландцами и британскими завоевателями в XVII-XIX веках привели к появлению англо-ирландских диалектов, калькирующих ирландскую (кельтскую) фонологию и синтаксис, но со-

державших весьма умеренное количество ирландских лексических заимствований. В обоих случаях агентами передачи являлись представители покоренного населения, пытавшиеся овладеть языком завоевателей, но в первом случае изменения затронули их лингвистически доминирующий язык и потому в основном касались культурной лексики, а во втором случае проникли в изучаемый ими язык и потому носили структурный характер. Различие между двумя языковыми ситуациями иллюстрируется в приведенной ниже схеме, где овалы, выделенные жирным шрифтом, заключают в себе лингвистически доминирующие языки билингв.

Схема 3

В прототипическом случае заимствования характерны для ситуации языкового баланса, а структурная интерференция наблюдается в ситуации языкового сдвига. Как известно, англо-саксам удалось сохранить собственный язык, несмотря на то, что они заимствовали большое количество франко-нормандской лексики из соображений престижа. Напротив, культурное и социальное господство английского языка в Соединенном королевстве привели к прекращению естественной передачи ирландского языка на большей части его первоначального ареала. Эта корреляция побудила некоторых лингвистов [напр. Guy 1990: 48] постули-

ровать посредничество носителей воспринимающего языка в механизме заимствования и ключевую роль несовершенного овладения языком в механизме интерференции.

Этой упрощенной гипотезе противоречат немногочисленные, но хорошо описанные случаи радикальных структурных изменений в языке при отсутствии языкового сдвига. Наибольший резонанс в научном мире вызвали примеры реструктуризации греческих диалектов Малой Азии под влиянием турецкого языка [Thomason and Kaufmann 1988: 215-22 с цитируемой литературой]. Хотя обитателям маленьких греческих анклавов в центре Османской империи удалось сохранить свой родной язык, они должны были пользоваться турецким всякий раз, оказавшись за пределами родной общины. При такой ситуации, очевидно, что большинство населения данных анклавов являлись билингвами, а для многих из них, занятых в сфере торговли, турецкий язык был лингвистически доминирующим. Несколько веков стабильного многоязычия привели к наложению структурных особенностей турецкого языка на местные разновидности греческого. В частности, греческие диалекты Каппадокии развили агглютинативное именное склонение и базовый порядок слов SOV.

Описан также ряд случаев лексической передачи в ситуации языкового сдвига. Например, пигмеи баяка, проживающие в Центральноафриканской республике и Конго, подверглись ассимиляции со стороны племен банту, но их язык ака сохранил большое количество реликтовых лексем, многие из которых имеют параллели в диалектах пигмеев, ассимилированных другими языковыми группами [Duke 2001]. Диалект малол австронезийского языка сиссано, распространенного в Папуа – Новой Гвинее, содержит слова для ‘собаки’ и ‘кокосового ореха’, неиз-

вестные другим диалектам сиссано. Согласно местной устной традиции, носители диалекта малол являются потомками носителей папуасского языка оне, бежавших из своего селения во время междоусобной распри и поселившихся среди австронезийцев [Ross 1991: 124]. Как носители малол, так и носители ака вероятно сохранили реликтовую лексику как символ самоидентификации, но с синхронной точки зрения она неотличима от обычных заимствований.

Уточненное соотношение между типами языковых контактов, их причинами и последствиями, резюмируемое в приведенной ниже таблице, творчески адаптировано из работы [Ross 1991].

Таблица 9

	Заимствование		Интерференция	
	воспринимающий язык		язык-донор	
Основной язык билингв				
	I	II	I	II
Агенты передачи	носители восприн. языка	носители языка-донора	носители языка-донора	носители восприн. языка
Причина передачи	престиж	самоидентификация	несоверш. овладение языком	упрощение коммуникации
Тормозящий фактор	самоидентификация			самоидентификация
Объект передачи	лексемы, морфемы	лексемы	фонология, морфосинтаксис	морфосинтаксис
Примеры	Франко-норманд. > ср.-англ.	«пигмейск.» > ака	ирландский > англо-ирландский	турецкий > каппадок. греческий

Агентами передачи лувийской лексики в начале второго тысячелетия до н. э. выступали носители хеттского языка, изучавшие лувийский, как региональный язык престижа (4.4). Таким образом, здесь мы наблюдается классический случай заимствования I. Хотя заимствование лувийских лексем в хеттский продолжалось и в последующие периоды, неясно до какой степени оно продолжало оставаться основным механизмом лексического взаимодействия между двумя языками. Следует учитывать, что многие адаптированные заимствования, зафиксированные впервые в средне- и новохеттском, могли в действительности проникнуть в хеттский язык в более древний период, но не найти отражение в ограниченном корпусе древнехеттских письменных памятников. Качественно новым феноменом в области лексических контактов, слабо отраженным в среднехеттском, но повсеместным в новохеттских текстах, является появление лувийской гостевой лексики. Смешение кодов внутри клаузы, в отличие от заимствований, возможно лишь в ситуации повсеместного двуязычия, и поэтому новохеттский сложно рассматривать как лингвистически доминирующий язык Хаттусы в XIII в. до н. э.

Филологический анализ скорее приводит к противоположным выводам. Среди немногих примеров смешения кодов, известных из среднехеттских текстов, более половины принадлежат сочинениям из Киццуватны, и только один гостевой лувизм (*akkuriyai*) встречается в тексте, заведомо составленном в дворцовой канцелярии Хаттусы [van den Hout 2006: 230]. Если следовать традиционной точке зрения, согласно которой лувийское население Киццуватны преобладало над хеттским, приходится предположить, что первыми агентами смешения кодов новохеттского типа были лувийские писцы. Как указывалось в разделе 5.4.4, отдельные примеры смешения кодов в контексте несовершенного

овладения хеттским языком отмечаются и на чисто филологических основаниях.

Таким образом, классический сценарий заимствования I не применим к лексическим контактам между хеттским и лувийским языками в XIII веке до н. э. Скорее можно говорить о нейтрализации противопоставления между заимствованиями I и II в условиях полного двуязычия. Следовательно, нельзя предполагать, что лувийский язык пользовался особым престижем в данный период, хотя вполне вероятно, что господствующие классы империи Хаттусы в целом положительно воспринимали хетто-лувийское двуязычие. Что касается отношения к спонтанному смешению кодов, оно определялось не националистическими, а скорее кастовыми соображениями. Профессиональные писцы проявляли здесь умеренный пуризм (5.4.3), тогда как другие чиновники готовы были миться со смешением языков ради удобства коммуникации (5.4.4).

Грамматическую адаптацию доисторического периода, описанную в третьей главе, едва ли следует считать прототипическим примером структурной интерференции в силу ее изолированного характера. Хотя ее, несомненно, можно использовать для доказательства географической смежности хеттского и лувийского ареалов в рассматриваемый период, вполне вероятно, что она произошла в хеттском на границе двух ареалов и распространилась далее внутри языка посредством лексической диффузии. Необходимым условием для проникновения лувийской возвратной клитики в хеттский была не особая лингвистическая ситуация, а скорее генетическая близость двух языков (3.5).

Напротив, большинство морфосинтаксических инноваций средне- и новохеттского доказательно или предположительно представляют собой результаты структурной интерференции с лувийским языком

(4.7), (5.3). Многие из них, однако, являются слишком нетривиальными, чтобы рассматриваться, как изменения в «мертвом» языке при «живом» лувийском. В частности, это относится к перераспределению новохеттских окончаний *-es* и *-is* в именительном и винительном падежах множественного числа общего рода (5.3.2), а также к лексикализованной редупликации местоименных клитик (5.3.5). Использование как хеттской, так и лувийской акронимической деривации при создании анатолийских иероглифов подводит нас к тому же выводу (4.9). С другой стороны, дальнейшая история анатолийских языков позволяет отметить гипотезу о массовом сдвиге с лувийского на хеттский язык. Таким образом, описанные инновации скорее следует рассматривать в контексте сохранения языкового баланса, то есть как примеры интерференции II, а не интерференции I. Отсутствие прямых эффектов интерференции в стандартной новохеттской фонологии хорошо согласуется с общей типологией объектов передачи при интерференции II.

Вместе с тем, существуют аргументы в пользу того, что интерференция I также играла определенную роль в развитии письменной формы новохеттского языка. Некоторые нестандартные черты новохеттских текстов и среднехеттских текстов из Киццуватны, такие как распространение основ с *i-motion* (5.3.1) и винительного падежа множественного числа на *-(y)as* (5.3.4) могут быть наиболее просто объяснены как результат плохого знания хеттского языка лувийскими писцами и зачинателями. С другой стороны, ряд гиперкоррекций в новохеттских текстах также отражает неуверенность писцов в языковой норме. Здесь следует, прежде всего, отметить использование местоимения *uk* ‘я’ в значении ‘меня’ (5.3.3) и диффузию гласной /e/ в лексемах с этимологическим /i/ (5.2.5).

Я постарался разрешить этот парадокс посредством двухступенчатого анализа. Несовершенное овладение хеттским языком лувийцами, желавшими улучшить свой социальный статус, приводило к интерференции I. Выборочная адаптация особенностей несовершенно усвоенного хеттского языка носителями нормативного хеттского попадает под определение интерференции II. Основная проблема данного анализа - это необходимость постулировать определенные черты хеттского, усвоенного как второй язык, которые не находят выражения в письменных текстах, например последовательную субституцию /i/ вместо /e/. Эта проблема, однако, не является фатальной для предложенной социолингвистической интерпретации. Фонологическая интерференция, или попросту «акцент», представляет собой наиболее негативный стереотип плохого знания языка. Лувийцы, подвизавшиеся при дворе Хаттусы, могли допускать ошибки в хеттском склонении, но лувийский акцент, вероятно, рассматривался как нечто несовместимое с продвижением по административной лестнице. В качестве побочного эффекта, стигматизация фонетической интерференции привела к распространению гиперкоррекции при освоении хеттской звуковой системы.

Поскольку хетто-лувийское двуязычие было нормой среди правящих классов Хаттусы в XIII веке до н. э., приходится предположить, что носители хеттского языка продолжали сохранять в этот период свой язык по соображениям этнической солидарности. Можно предположить далее, что после того как двор должен был покинуть Хаттксу в начале XII века до н. э., рассредоточение носителей хеттского языка в лувийской среде привело к завершению языкового сдвига в течение двух или трех поколений. Это, разумеется, не исключает теоретической возможности дальнейшего существования хеттских анклавов в изолирован-

ных регионах, где контакты с лувийцами могли быть ограничены. Однако до тех пор, пока не обнаружены соответствующие письменные памятники, такая гипотеза не поддается научной проверке.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

а) Публикации в журналах, рекомендованных ВАКом или включенные в списки Scopus / Web of Science:

1. “Were Hittite kings divinely anointed?” *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 5 (2005): 107-37.
2. “Prehistoric Contacts between Hittite and Luwian: the Case of Reflexive Pronouns”. *Journal of Indo-European Studies* (m. s.), v. 52 (2006). Pp. 77-106.
3. “Free-standing genitive and hypostasis in Hittite”. *Journal of Near Eastern Studies* 65/1 (2006): 39-49.
4. “Hittite-Luvian Bilingualism and the Origin of Anatolian Hieroglyphs”. *Acta Linguistica Petropolitana* 4/1 (2008): 9-36.
5. “The Origin of Luvian Possessive Adjectives”. *Journal of Indo-European Studies* (m. s.), v. 54 (2008): 193-217.
6. “The Luvian Enemy”. *Kadmos* 47/1-2 (2009): 1-19.
7. “Anaptyxis in Hitt. **spand-* ‘to libate’: One More Case of Luvian Influence on New Hittite”. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XIII. Чтения памяти И.М. Тронского*. (под ред. Н.А. Бондарко и Н.Н. Казанского). Санкт-Петербург: Наука, 2009, стр. 545-57.

8. “The Reading of Luwian *ARHA* and Related Problems”. *Altorientalische Forschungen* 39/2 (2012): 321-39.
9. “The Degree of Comparison in Luwian”. *Indogermanische Forschungen* 118 (2013): 155-68.
10. (совместно с С.Ю. Бородаем) “Корпусные методы дешифровки анатолийских иероглифов”. *Journal of Language Relationship* 11 (2014): 39-61.
11. (совместно с А. Мутон и Я. Резерфордом). “Introduction”. *Anatolian Interfaces: Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean* (ed. A. Mouton et al.). Leiden: Brill, 2013, pp. 2-21.
12. “Anatolian Names in *-wiya* and the Structure of Empire Luwian Onomastics”. *Anatolian Interfaces: Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean*. (ed. A. Mouton et al.). Leiden: Brill, 2013, pp. 87-123.
13. “К происхождению рефлексивных клитик в анатолийских языках”. *Journal of Language Relationship* 12 (2014): 73-111.
14. Рецензия на *Studies in the Origin, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals*, by Jared Miller. *Journal of Indo-European Studies* 33/3-4 (2005): 422-33.
15. Рецензия на *The Luwians*, ed. C. Melchert. *Journal of Near Eastern Studies* 66/2 (2007): 140-44.
16. Рецензия на *Lenguas en Contacto: El testimonio escrito*, ed. P. Bádenas de la Peña et al. *Journal of the American Oriental Society* 127/2 (2007): 217-18.
17. Рецензия на *Margins of Writing, Origins of Cultures*, ed. S. Sanders. *Journal of Indo-European Studies* 36/1-2 (2008): 202-11.

18. Рецензия на *The Kingdom of the Hittites: New Edition*, by Trevor Bryce. *Journal of Near Eastern Studies* 69/1 (2010): 104-107.
19. Рецензия на *A grammar of the Hittite Language*, by Harry A. Hoffner and H. Craig Melchert. *Bibliotheca Orientalis* 67/1-2 (2010): 147-54.
20. Рецензия на *The Disappearance of Writing Systems: Perspectives on Literacy and Communication*, ed. John Baines et al. *Journal of the American Oriental Society* 131/1 (2011), 135-138.
21. Рецензия на *Völker und Sprachen Altanatoliens*, by Maciej Popko. *Journal of Near Eastern Studies* 71/2 (2012): 388-90.
22. Рецензия на *L'alignement syntaxique dans les langues indo-européennes d'Anatolie*, by Silvain Patri. *Journal of Near Eastern Studies* 71/2 (2012): 390-92.
23. Рецензия на *The Elements of Hittite*, by Theo van den Hout. *Classical Review* 63/1-2 (2013): 1-3.
24. Рецензия на *Personal Names in Ancient Anatolia*, ed. R. Parker. *Classical Review* 65/1-2 (2015): 3-5.

б) Прочие публикации

25. "Labyrinth for tyrants". *Studia Linguarum* 3(1) (сборник памяти А.А. Королева). Москва: Языки Славянской Культуры, 2002, стр. 93-116.
26. "Nugae Luvicae". *Anatolian Languages* (ed. V. Shevoroshkin and P. Sidwell). AHL Studies in the Science and History of Language 6. Canberra: Association for the History of Language, 2002, pp. 189-209.
27. "Lydian Etymological Notes". *Historische Sprachforschung*, 118/1-2 (2005): 75-91.

28. “Head-noun Ellipsis in Hittite and Elsewhere: A Study in Recoverability Conditions”. *CLS 40-2: The Panels / Papers from the panels of the fortieth annual meeting of the Chicago Linguistic Society* (ed. N. Adams et al.). Chicago Linguistic Society 2008, pp. 37-53.
29. “Luwian Migrations in Light of Linguistic Contacts”. *Anatolian Interfaces: Hittites, Greeks, and their neighbors* (ed. B. J. Collins et al.). Oxford: Oxbow Books, 2008, pp. 123-34.
30. “West Semitic god El in Anatolian hieroglyphic Transmission”. *Pax Hethitica: Studies on the Hittites and their Neighbours in Honour of Itamar Singer* (ed. Y. Cohen et al.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2010, pp. 385-98.
31. (совместно с Е. Рикен) “The New Values of Luwian Signs L 319 and L 172”. *Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite Studies presented to J. David Hawkins on the occasion of his 70th birthday* (ed. I. Singer). Tel-Aviv: Institute of Archaeology, 2010, pp. 199-219.
32. “Hittite *aniye/a-* ‘to do’ ”. *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European studies in honor of H. Craig Melchert on the occasion of his sixty-fifth birthday* (ed. R. I. Kim, E. Rieken, N. Oettinger, and M. J. Weiss). Ann Arbor: Beech Stave Press, 2010, pp. 375-84.
33. (с приложениями Т. ван де Хаута) “Anatolian Hieroglyphs”. *Visible Language: Inventions of Writing in the Near East and Beyond* (ed. Ch. Woods). Chicago: Oriental Institute, 2010, pp. 203-14.
34. (совместно с М. Валериу) “Semitic Word for Iron as Anatolian Loanword”. *Исследования по лингвистике и семиотике: сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова* (под ред. Т.М. Николаевой). Москва: Языки славянской культуры, 2010, стр. 108-16.

35. *Sociolinguistics of the Luvian Language*. Leiden: Brill, 2010. 454 стр.
36. “When Hittite Laryngeals are Secondary”. *Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании. Материалы VII международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31 января – 2 февраля 2011 г.)*. Москва: Добросвет, 2011, pp. 277-9.
37. “Luwian and the Luwians”. *Oxford Handbook of Ancient Anatolia* (ed. Sh. Steadman and G. McMahon). Oxford University Press, 2011, pp 534-47.
38. “Hieroglyphs, Anatolian”. *The Encyclopedia of Ancient History* (ed. R.S. Bagnall et al.), Blackwell, 2013, pp. 3210-11.
39. “Luwian Language”. *The Encyclopedia of Ancient History* (ed. R.S. Bagnall et al.), Blackwell, 2013, pp. 4174-75.
40. “Анатолийские языки”. *Языки мира: реликтовые индоевропейские языки передней и центральной Азии* (под ред. Ю.Б. Корякова и А.А. Кибрика), Москва: Академия, 2013, стр. 15-26.
41. “Лувийский язык”. *Языки мира: реликтовые индоевропейские языки передней и центральной Азии* (под ред. Ю.Б. Корякова и А.А. Кибрика), Москва: Академия, 2013, стр. 109-36.
42. “From Lower Land to Cappadocia”. *Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper* (ed. M. Kozuh et al.). Chicago: Oriental Institute, 2014, pp. 347-52.
43. “The Luwian Deity Kwanza”. *Armenian Journal of Near Eastern Studies (Aramazd)* VIII/1-2 (2013-2014): 282-97.22